

ВИКИНГ

Викинг

Белый Волк

Кровь Севера

Вождь викингов

Танец волка

Земля предков

Король на горе

Мы платим железом

ГЛАВА 1

Замковый остров. Свеи идут!

Они пришли за три недели до Йоля. Аккурат с началом календарной зимы. Пришли, чтобы нас уничтожить.

Нельзя сказать, что я их не ждал. Ждать неприятностей от соседей — это нормально для любого ярла. Тем более — такого, как я. То есть получившего землю и подданных не в наследство или в подарок, а заплатившего за ярлство, как здесь говорят, железную цену. То есть волшебной силой оружия превратившего чужое в свое. Собственно, всё, что было у меня, Ульфа Хвити, которого не так давно звали Ульфом Черноголовым, а еще раньше, в прошлой, считай, жизни — Николаем Григорьевичем Переляком, всё, что я нажил и чего достиг, всё это я добыл с помощью доброго клинка франкской работы по имени Вдоводел. Ну и благодаря моему умению им пользоваться. Хотя и возможности моего интеллекта отрицать не стану. Того самого, который нынче дал сбой и уверил меня, что в ближайшее время опасности не предвидится. Враг придет, это понятно. Не тот человек шведский король, а по здешнему — свейский конунг Бьёрн, чтобы еще разок не попытаться вернуть кирьяльскую провинцию. Конечно, свеи придут. Потом. Когда-нибудь. Весной. И не ранней, а ближе к лету. Когда сойдет лед, дороги под-

сохнут и откроется новый сезон морских и сухопутных походов.

Но уж точно не в канун Зимнего Солнцеворота, когда мои скандинавские соратники и вся прочая общность активно готовятся к грядущему празднику, радуются хорошему и мечтают о лучшем. Радовался жизни и я, их ярл по законному праву. Ну да, разве право силы — это не главный здешний закон? Охота, подводная рыбалка, мужские игры на свежем воздухе...

Что еще надо человеку, чтобы чувствовать величие бытия?

Любимая женщина? Так у меня их имелось сразу две, причем одна, юная и пылкая, — непосредственно под боком.

Верные друзья? Да у меня, считай, целый хирд верных друзей!

Благосостояние? Ну так я оч-чень богатенький буратина по здешним меркам.

Короче, у меня было всё, что требовалось для счастья. И я был счастлив ровно до того момента, когда мой дренг Тулб Огонек не открыл предо мной нерадужную перспективу:

— Свеи идут!

Ворвавшийся среди ночи в мой закуток молодой варяг был настолько возбужден, что даже на прелести Зари свет Труворовны не глянул.

— Сколько? Как далеко? — Я уже был на ногах и искал глазами портки. О, нашел!

— Много! В трех переходах!

Рубаха, штаны меховые (чай, не лето), носки, сапожки...

— Кто весть принес?

— Артельщики кирьяльские! Со всех ног бежали!

Могу поверить. С кирьялами у меня дружба, переходящая в восхищение. Дани я с них не беру. Всё честно

покупаю, пусть и по сильно заниженным ценам. И товарами нужными снабжаю. По ценам сильно завышенным. Но это если считать по свободно-рыночным меркам. А поскольку до ближайшего свободного рынка — километров двести, да и там обобрать неопытного человека могут ну совершенно запросто, то получается, что цены мои — очень даже справедливые. И демократичные. Даже самый дикий лесовик получает топор по той же цене, что и житель поселка. Три пачки элитных шкурок — и топор твой. Ну да, где-нибудь в Европе за каждую из шкурок дадут дюжину таких топоров, но у нас же не Европа, верно?

Зато я их не граблю. И девок кирьяльских не порчу. Ни я, ни люди мои. А если по взаимному согласию, так это ведь совсем другое дело. И в этом мое существенное преимущество перед свеями, которые и грабят, и насилюют, и живьем жгут, если решат преподать урок покорности. И перспектива получить подобный урок превращает кирьяльских лесовиков в моих преданных союзников. Что очень кстати, учитывая мой малочисленный гарнизон.

— Поднимай наших, — скомандовал я Тулбу. — Всех. И сюда, ко мне. И успокойся. Мы свеев били, бьем и будем бить!

Только так. Командир должен вселять уверенность в сердца подчиненных. Даже если у самого ее нет.

Уверенности нет. Но есть надежда. Что-то мне подсказывает, что сейчас именно тот момент, когда пушистый пипка уже дышит в затылок. Следовательно, вероятность благорасположения госпожи Удачи максимальная.

После того как Свартхёвди Медвежонок отплыл домой, в моем распоряжении осталась весьма скромная команда. Если бы не перешедшие ко мне бойцы

из бывшего хирда Ульфхама Трески, ситуация была бы вообще грустной. Даже приличный строй не собрать.

Но с этой шестеркой стало повеселее. Трое — дренги из разных областей Скандинавии: рыжий Мёрд Красная Шапочка, Лут Ручища и Сёльви Краденая Лепешка. Все с неплохой начальной подготовкой и перспективой вырасти в настоящих бойцов. Если выживут, понятное дело. Остальные из тех, что уже выросли. Ко мне присоединились трое матерых вояк, каждый из которых украсил бы хирд любого успешного конунга. Так что я был польщен тем, что эта тройка выбрала меня.

Первым из них был мой старый знакомец Витмид, переметнувшийся еще до того, как Заря развалила голову его непосредственному начальству.

Вторым — хитромудрый, чернявый, как и я, дан Вифиль по прозвищу Прощай. Была, как мне сказали, у него такая привычка: напутствовать этим словом своих оппонентов перед тем, как прикончить.

А третьим, к моему немалому удивлению, оказался Оспак Парус.

У меня были сомнения — стоит ли вообще его брать? Опасался, что лучший друг убитого Трески хочет отомстить за его смерть, потому ко мне и просится. Но Медвежонок убедил меня, что всё чисто. Оспак еще простодушней моего давнего друга здоровяка Стюрмира. Ульфхам шел за Рюриком-Хрёреком, Оспак шел за Ульфхамом. А теперь он — мой.

— Не сомневайся, брат! Парус теперь наш! — заверил меня Свартхёвди.

Мнению моего побратима я доверял. И Оспак стал нашим. Завидное приобретение. В бою Оспак стоил минимум двоих. И места в строю занимал столько же.

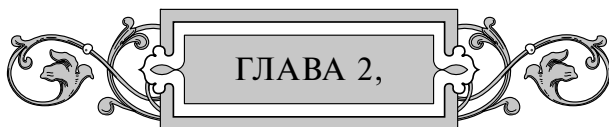
Медвежонок хотел забрать Оспака с собой, но я воспротивился. Хватит того, что он увел от меня всех ваяжат, исключая Тулба Огонька, прикипевшего к Буре.

Варяжата, кстати, переметнулись ко мне прямо из-под крыла Трувора.

И он это принял. Знал, что должен. Ведь именно на него Ульфхам намеревался свалить убийство меня и его дочери. План Трески провалился — и Трувор сохранил честь. И жизнь, потому что Медвежонок в запале его бы точно прикончил. Жнец, конечно, крут, но последствие дряни, которую ему подсыпал в пиво Ульфхам, сделало его никудышным бойцом минимум на сутки...

В общем, мы с Трувором не то чтобы помирились, но отношения стали скорее нейтральными. Более того, он фактически дал добро на наш будущий брак с Зарей. И она осталась со мной. Но скорее всего просто потому, что у Трувора не было физической возможности забрать ее с собой. После устроенного Ульфхамом покушения среди воинов Рюрика, посланных по мою душу, царил полный раздрай. И даже у собственных бойцов он не нашел бы поддержки. Да какая поддержка! Трувор Перуном клялся, что ни мне, ни кому-либо из моих не причинят вреда, если я впущу их в крепость. И вот тебе, дедушка, сковородкой по щам!

В целом очень удачно получилось. Не думаю, что Рюрик еще раз попробует меня прищучить. Ну и хорошо. Мне, собственно, и свеев более чем достаточно для остроты ощущений. Вот что им до весны не сиделось!

ГЛАВА 2,

*в которой становится понятно,
что расклад не просто хреновый,
а намного хуже*

— Надо уходить!

Эту невеселую мысль первым высказал Витмид.

Мол, шансов у нас никаких. Совсем. Да и умирать особо не за что. Дикий край. Дикие земли. Добро бы — тыща гектар плодородной пашни, тогда другое дело. А тут... Эдаких чашоб на здешней земле больше, чем воды в море.

Мы собрались в большом зале длинного дома, способного вместить две сотни пирующих. Здесь особенно хорошо было видно, как нас мало.

Плодородные пашни... Ну-ну. Мне их тоже когда-то предлагали. Ивар Бескостный. Причем вместе с работниками. Правда, не сразу, а в перспективе. Не очень отдаленной. Сразу после завоевания Англии. Может, и впрямь ну ее на фиг, эту Кирьяльщину? Когда еще она станет частью Ленинградской области? Опять-таки по-английски я говорю значительно лучше, чем по-кирьяльски.

«Уходить!» — настаивал Витмид. Никто не возражал. Мои хускарлы: Гуннар Гагара, Стюрмир, Бури, Оспак Парус, Виги-Вихорёк, Тьёдар Певец, Кэль Длинный, братья Крумисоны, Витмид и Вифиль Прощай, —

молча глядели на меня. Так же, как и присутствующие здесь Заря и отец Бернар. Никто не спешил оспаривать предложение Витмида, даже мой сын Вихорёк.

Две сотни свеев. Полный хирд, причем большой хирд. Этого хватит на команды для четырех драккаров. Полностью укомплектованные команды.

Две сотни свеев, а нас и двух десятков не наберется.

Поэтому мы должны уйти в изгнание, в заснеженные зимние леса, ночевать в сырых землянках и питаться всякой дрянью, в то время как победители будут наслаждаться теплом и уютом, пить наше пиво, лопать наши припасы и валять на наших постелях наших женщин... Очень, очень не хочется такого исхода. Да, эта мысль отчетливо читалась в глазах моих людей. Однако какая альтернатива? Стать кормом для воронов?

Что бы сказал сейчас мой брат Медвежонок?

Да он, собственно, уже высказался по данному поводу. Лучше умереть ярлом, чем слохнуть бродягой. У меня другое мнение. Я предпочту ярлом — жить. И на этой горке для меня свет клином не сошелся. Потому в тот, прошлый раз, я сумел его переубедить. Но тогда судоходство еще не закрылось, и мы могли уйти на кораблях, прихватив большую часть добычи. Сейчас же «Северный Змей», законсервированный на зиму, ждёт в уютном сарае следующего сезона... И если мы свалим, то он тоже достанется победителям.

Мой драккар! Свеям! Не хочу! Не позволю!

Однако две сотни — это две сотни. Они вынесут нас из крепости вместе со стенами, если потребуется. Ну вот же... ситуация!

А я так надеялся, что до весны нас никто не тронет! А весной подтянется Медвежонок с командой, может, и наш новый союзник Ольбард Синеус тоже подкинет людей...

Я надеялся.

Не сбылось.

— Они нас не оставят, — затянувшееся молчание нарушил Кэль Длинный. — Если мы уйдем отсюда, они будут нас искать, пока не найдут, ярл! — мрачно заявил он.

Черт! А ведь он прав, этот двухметровый сутулый похититель чужих невест. Мы очень сильно обидели их конунга. И заняв крепость, они точно не успокоятся. Начнут прочесывать леса сами и при помощи кирьялов, которые пока что за нас, но когда мы сбежим, вряд ли станут противодействовать своим прежним хозяевам, зная, как те жестоки к непокорным.

Бодрости реплика Длинного нам не прибавила.

Перспектива зимовать в лесу сама по себе не радует, а если тебя при этом будут гонять, как лису охотничья свора...

И на две сотни кэмэ вокруг никого, кто мог бы предоставить нам кров, не говоря уже о силовой поддержке. В общем, засада.

Я посмотрел на Бури. Азиат, пожалуй, самый уважаемый мною человек в нашей команде.

Бури спокойно выдержал мой взгляд. Потом достал из сумки полоску вяленого мяса и принялся не спеша жевать. Демонстративно. И все перестали глядеть на меня как на волшебника, который должен достать из шляпы наше спасение. Все устали смотреть на плосковатую смуглую физиономию снайпера-стрелка. А тот прожевал не спеша, обтер ладони о штаны и произнес негромко, ни к кому вроде бы не обращаясь:

— Две сотни, значит... Семь-восемь колчанов... Так, Виги?

Мой приемный сын буквально расцвел.

Новые правила счета так и сияли в его глазах. Не двести вражеских воинов, а двести метких выстрелов. Он на тренировке делает больше.

Правда, остальные хускарлы его оптимизма не разделяли, однако и они взбодрились. После реплики Длинного стало ясно: никуда мы не побежим. Потому что догонят. Значит, придется драться. Смерть в бою — это лучше, чем умереть затравленной лисой. В Валхаллу берут воинов, а не зайцев.

Но драться без шанса на победу... Как-то не очень.

Бури молодец. Напомнил: шанс есть всегда. Не в первый раз мне принимать бой при таком скверном раскладе. И я всё еще жив. И, как уже не раз отмечено, удачлив. Причем удача моя такого сорта, что подключается только при самом скверном обороте событий. Вернее, до сих пор было так, а что в будущем — неизвестно.

Однако пассивно ждать, пока нагрянут вороги, и мужественно взойти на крепостные стены — не мой вариант. Госпожа Удача приходит к тем, кто не стоит на месте. Так что ждать мы не будем. Будем действовать. Предложим что-нибудь остренькое нашим незваным гостям. Что-нибудь вроде стрелы в горлышко.

Но для начала поговорим с очевидцами.

— Виги, позови-ка сюда кирьялов, что принесли весть.

К сожалению, ничего позитивного кирьяльские охотники не сообщили. Наткнулись они на свеев случайно, однако заметили вовремя, потому что те, собственно, и не скрывались, шли без опаски. Шли на лыжах и волокли с собой санки с припасами. Вооружены справно. Мечи у многих, если не у всех, меч же — характерный признак воина-профессионала.

Развеяли кирьялы и мою надежду на то, что у страха глаза велики. «Две сотни» возникли не с потолка.

Охотники не поленились: посчитали рейдеров. В палочках. Две длинных, две средних и одна короткая. Двести двадцать один боец. Шли свои без спешки, но и не медлили. Охотники прикинули их скорость, сопоставили с собственной и с пройденным расстоянием и сделали вывод, что опередили врагов примерно на трое суток. Я, однако, полагал, что можно смело прибавить еще день, потому что на подходе свои наверняка притормозят: озаботятся разведкой.

А наша задача — притормозить их еще больше. И превратить беспечную прогулку по зимнему лесу в нечто совсем противоположное.

Кириялов я наградил и отослал, предупредив, чтоб не уходили и не напивались. Они мне еще понадобятся.

Затем собрал свой хирд уже целиком, включая веснян, которых за последние месяцы Бури удалось прилично подтянуть в стрелковом искусстве.

— Что к нам идут свои, вы уже знаете, — сообщил я рассевавшемуся на лавках хирду. — Их много, и мне это не нравится. Потому я хочу сделать так, чтобы часть из них до нас не дошла. Для этого нам понадобится человек пять лучших стрелков и два-три хускарла в прикрытие. Обязательное условие: все должны отменно ходить на лыжах. Бури, твое слово!

— Стрелки: Виги, Огонек, Лосенок, Комар, Сорока! — не колеблясь выбрал Бури.

Себя он в список не включил, поскольку лыжник из него еще хуже, чем из меня.

— Я тоже на лыжах хорошо бегаю! — немедленно заявила Заря, но я ее возглас проигнорировал.

В Вихорьке и Тулбе я не сомневался, а вот трое веснян...

Лосенок и Комар — братья. Их Бури выделил с самого начала. А вот Сорока... Нет, хоть он и Сорока, но

смотрит соколом. Польщен, что наставник определил его в лучшие.

— Добро. С ними пойдут Гуннар, Оспак и Сёльви. Старшим — Гуннар.

Эх, как хотелось самому... Но здесь я со своим тамошним лыжным разрядом — натуральный тормоз.

— Заставьте их понервничать. Убейте, сколько сможете, но при этом — зря не рисковать. И еще: Гуннар, будет славно, если они останутся без припасов.

Зима на дворе. И в лесу — тоже. Охотиться зимой труднее, а вот кушать надо хорошо. Потому что холодно.

— Постарайтесь вернуться в том же составе, что и ушли.

Всё.

Вопросов никто не задавал. Новоиспеченные рейнджеры отправились собираться, а я подозвал Повторюху, дренга из весян, и велел смотаться в селение и привести сюда старосту из поселка. Пора выяснить, могут ли я рассчитывать на серьезную поддержку местного населения. Склонен думать, что при желании аборигены способны выставить нам в поддержку не меньше чем полтысячи ополченцев. Понятно, что бросать их в рукопашную на свеев — всё равно что кусок мяса отправить в мясорубку. Даже дистанционно они вряд ли нанесут значимый ущерб бронированным хирдманам. Но летучие партизанские отряды могут изрядно снизить свеям уровень комфорта.

Староста примчался задолго до полудня. Он уже был в курсе главной новости и здорово переживал.

В прошлый раз свеи обошлись с ними беспощадно. Едва сойдя на берег, тут же принялись хватать и вязать. Собственно лишь благодаря sveйской торопливости староста и выжил. И он, и большая часть его